

A portrait of a woman with long, wavy red hair and blue eyes, smiling slightly. She is wearing a white top. In the bottom left corner, there is a faint, semi-transparent image of a human skull.

КАРЛА ВАЛЕНТАЙН

ПАТОЛОГОАНАТОМ

ИСТОРИИ ИЗ МОРГА

Научно-популярная медицина (АСТ)

Карла Валентайн

Патологоанатом. Истории из морга

«Издательство АСТ»

2017

УДК 616
ББК 52.5

Валентайн К.

Патологоанатом. Истории из морга / К. Валентайн —
«Издательство АСТ», 2017 — (Научно-популярная медицина
(АСТ))

ISBN 978-5-17-102461-1

Что если бы мы предложили вам провести один день с человеком, которого можно назвать «профессионалом смерти»? Человеком, который любит свою, хоть и «необычную», но все же работу. Признайтесь, тема смерти хотя бы один раз в жизни была вам интересна, и вы бы не упустили возможность задать вопрос патологоанатому с 10-летним стажем работы! В этой книге автор расскажет вам истории из морга, в которых уже угасшее человеческое тело помогает ещё живым людям в поиске ответов на актуальные проблемы современной медицины. У вас есть вопросы? Карла Валентайн обязательно найдет на них ответы. Если вы давно хотели узнать, что происходит с телом человека, когда закрывается крышка гроба, то эта книга для вас...

УДК 616
ББК 52.5

ISBN 978-5-17-102461-1

© Валентайн К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карла Валентайн

Патологоанатом. Истории из морга

CARLA VALENTINE

PAST MORTEMES

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Carla Valentine 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

Я росла в маленьком городке, и в детстве мне часто приходилось видеть трупы животных, сбитых на шоссе машинами. Как правило, это были дикие животные – птицы, белки, крысы и даже, иногда, дикобразы. Жертвами наездов становились и любимые домашние питомцы – кошки и собаки. Попадали под колеса и кролики, сбежавшие из своих клеток лишь для того, чтобы попасть под машину. Грустная иллюстрация поговорки «из огня да в полымя».

Я выросла, и сбитые автомобилями животные таинственным образом перестали попадаться мне на глаза. Как гоголь-моголь и сбитые в кровь колени, эти дорожные сцены остались в далеком детстве, когда деревья были большими, а возраст еще не исчислялся двузначными числами. Один случай, однако, надолго застрял в моей памяти.

Это был кот. Он лежал на обочине, там, где проезжая часть граничит с тротуаром, и, в отличие от многих других подобных жертв, этот кот не был расплюснут колесами, превратившись в двухмерное напоминание о бренности жизни, а остался почти совершенно сохранным. Мне даже показалось, что он еще жив. Я внимательно осмотрела кота и поняла, что травмирована была только его голова. Один глаз был закрыт и подернут корочкой запекшейся крови. Другой глаз, как в мультфильмах о Томе и Джерри, был широко открыт и торчал из глазницы так, словно с ужасом смотрел на приближавшуюся опасность. Видимо, так оно и было, потому что последнее, что кот видел в своей жизни, был приближавшийся автомобиль.

Я подумала, что смогу помочь коту, если он еще жив, и, взяв палку, храбро ткнула кота в грудь. К моему удивлению, из ноздри кота раздулся пузырек крови, который, достигнув размера мелкого камешка, лопнул, словно надувной шарик. В моей душе вспыхнула надежда, но потом я поняла, что кот мертв. Даже в том нежном возрасте до меня дошло, что, нажав на грудную клетку кота, я просто выдавила из его легких остатки воздуха. Я ничем не могла помочь несчастному коту.

Или все же могла?

Мои знания о том, как надо поступать с умершими, ограничивались сведениями, почерпнутыми из телевизора и из детских книжек. Я поняла, однако, что если не смогла помочь этому бездомному коту (на нем не было ошейника) в жизни, то смогу поухаживать за ним после смерти. Я обошла дома одних моих друзей, а другим позвонила из дома (в те времена у детей еще не было мобильных телефонов), и через двадцать минут сумела собрать восемь человек для участия в похоронной процессии. Мы отправились в наш сад, вырыли могилку, положили в нее кота и даже произнесли над ней какие-то прочувствованные слова. После чего бросили в могилку по горсточке земли – я видела по телевизору, что так делают, когда хоронят людей. Мне стало легче на душе от одного только сознания, что мы хоть что-то сделали для несчастного кота. Мне казалось, что теперь он находится в каком-то безопасном месте. Позже я поставила на его могилке крест, сооруженный из двух леденцовых палочек.

Могилка бедного котика была видна из окна моей спальни и служила напоминанием о том, что жизнь трудна и непредсказуема, и что надо понимать, что нужно делать после смерти – будь то какие-то профессиональные или ритуальные действия. Так в моей жизни появилась цель.

Имена героев этой книги изменены – надо сохранить в тайне личности родственников умерших, как и их самих, рассказывая непростые истории о жизни и смерти. Тем не менее, в этой книге – все правда. Я также пользуюсь случаем поблагодарить тех, кто вместе со мной участвовал в похоронах кота и помог мне выбрать жизненный путь, а также тех, кто впоследствии помог мне определиться с отношением к смерти.

Пролог

Первый разрез

Дантист. Анорексия.

Впервые в жизни я увидела эти два слова, записанные рядом расплывающимися чернилами на бланке формы 97А:

«Дантист. Диагноз: анорексия».

Я сделала глоток кофе и принялась внимательно дочитывать документ. Мне очень нравилось это время рабочего дня: время затишья перед бурей. Старший техник морга Джейсон сгорбившись пил чай и читал «Мировые новости». Этот ветеран прозекторской видал в своей жизни все, и поэтому интересовался результатами футбольных матчей и газетными сплетнями куда больше, нежели содержанием документов о запланированных на день вскрытиях.

97А – это документ, который по факсу передают в морг из аппарата местного коронера, который требует и одновременно дает разрешение на вскрытие умершего. В разных областях Великобритании этот документ может называться по-разному, но суть одна (за исключением Шотландии) – коронер дает разрешение на вскрытие (в Шотландии это прерогатива местного прокурора).

Роль коронера в Великобритании часто понимают превратно, и причина заключается в обилии американских детективных фильмов и книг, заполонивших британские кинотеатры и прилавки. В Америке (хотя там тоже правила и законы разнятся от штата к штату) коронер – это врач-патологоанатом, то есть врач, производящий вскрытие. В США это – выборная должность, и коронером может стать местный патологоанатом или даже врач общей практики. В Великобритании коронер – это чиновник, назначенный местной администрацией, который должен иметь квалификацию юриста. Некоторые из коронеров, кроме того, имеют и медицинское образование.

Термин коронер происходит от англо-нормандского слова “coroner”, что значит «коронный». Формально эта должность существует в Англии с 1194 года. У тогдашних коронеров было два вида обязанностей. Во-первых, они должны были надзирать за смертностью на подведомственной им территории, а во-вторых – им были обязаны сообщать обо всех случаях обнаружения сокровищ. В обязанности коронера входило выяснение обстоятельств обнаружения клада и решение вопроса о его собственнике. Это означает, что иногда наши коронеры вынуждены заниматься расследованием в отношении обнаружения давно забытых предметов или денежных сумм и в соответствующих случаях объявлять их «Найденным кладом» неизвестного происхождения, а значит, принадлежащего короне. (В 1996 году закон «О найденных кладах» был переименован в закон «О кладах»). В принципе, «что бы вы ни нашли захороненным в вашем дворе – будь то мертвое тело или мешок золотых монет, вам следует сообщить об этом коронеру».

Я всегда воображала себе коронеров в виде этаких смертей с косами, вооруженных блокнотами и мобильными телефонами, которые знают обо всех смертях в округе и собирают и выстраивают, словно фигуры на шахматной доске, всех участников будущего расследования: полицейских, своих подчиненных, сотрудников морга и многих других. Дело в том, что в Великобритании коронеры сами не выполняют вскрытия, они лишь решают на основании юридических критериев, когда необходимо вскрытие, а затем направляют в морг соответствующий документ. После этого коронер следит за разворачивающейся шахматной партией. Патологоанатом производит вскрытие или аутопсию – эти термины являются синонимами, а мы, техники морга, ему в этом помогаем.

Итак, каковы же критерии направления трупа на патологоанатомическое вскрытие в Великобритании? Как правило, вскрытие не нужно, если (а) покойный был осмотрен врачом в течение двух недель до смерти, и (б) если врач знает, что причина смерти была естественной.

Для умерших больничных пациентов решение coronera о вскрытии не требуется, так как врачи осматривают их ежедневно. То же самое касается хосписов и подобных им учреждений. Все остальные случаи требуют решения coronera. Отчего умер человек, тренировавшийся на бегущей дорожке в спортивном зале? Что случилось с женщиной, внезапно умершей на автобусной остановке? Что стало причиной смерти человека, останки которого были обнаружены в парке пресловутым «пенсионером, выгуливавшим свою собаку»? Все такие случаи относятся к юрисдикции coronera, а трупы направляются в морг с соответствующими сопроводительными документами. Если, например, восьмидесятилетняя женщина умирает во сне, но врач не видел ее в течение последних двух недель, то труп этой женщины coroner тоже направляет на вскрытие. «Старость» перестала быть официальной причиной смерти отчасти благодаря Гарольду Шипмену, серийному убийце, нападавшему исключительно на пенсионеров. После того, как этого маньяка арестовали и привлекли в 1999 году к суду, выяснилось, что на его счету более 250 жертв. Это привело к изменению в практике врачей общей практики и в правилах выдачи свидетельств о смерти. Помимо этого, трупы старых и пожилых людей стали чаще направлять на вскрытия.

Формы 97А поступали по древнему факсу в наше отделение, начиная с восьми тридцати утра на фоне жужжания, стуков и писка старинного аппарата. К нашему приходу весь пол был покрыт листами бумаги, исторгнутыми из чрева факса. В документах приводятся некоторые сведения об умершем и важные особенности каждого случая – короче, все данные, которые сотрудники ведомства coronera смогли выяснить в течение нескольких часов после смерти. Иногда форма 97А представляет собой целую «простыню» трудного для понимания текста, особенно если в него включены фрагменты медицинской документации, в том числе сведения о предшествовавших заболеваниях, о приеме лекарств, обстоятельствах обнаружения тела, информация о членах семьи, росте и весе умершего, и даже такие, например, сведения: сколько кусков сахара умерший предпочитал класть в чай. Иногда же мы получали всего несколько строчек, как в последнем случае:

Дантист. Диагноз: анорексия

45 лет

Был прикован к постели в течение 2 недель

Сукин сын

– Какая грубость! – восклицаю я так громко, что Джейсон едва не расплескивает чай из поднесенного к губам пластикового стаканчика.

– Что случилось, лапка? – спрашивает он, оторвавшись от газеты. Он всегда называет меня лапкой, и я ничего не имею против этого. В громадном, мускулистом и татуированном теле прячется очень нежная и заботливая душа.

– Этот бедолага умер, так они еще и обзывают его сукиным сыном!

Я пересекаю кабинет и трясу листком перед глазами Джейсона. Он невозмутимо берет у меня лист бумаги, внимательно читает текст, и после короткого молчания разражается неудержимым хохотом. От этого хохота сотрясаются его могучие плечи, лицо краснеет, а из глаз текут слезы.

Сквозь смех он, едва слышно, несколько раз произносит: «Сукин сын...».

Отсмеявшись, он объясняет мне мою ошибку. На самом деле в формуляре сказано:

Дантист. Диагноз: анорексия

45 лет

Был прикован к постели в течение 2 недель
Дыхательная недостаточность

Аббревиатуры оказались одинаковыми. Неудивительно, что Джейсон так развеселился. Надо привыкать к здешним сокращениям и терминам, если я не хочу и впредь попадать в про-сак.

Так как сегодня мы получили только одно распоряжение coronera (а значит сегодня будет только одно вскрытие), то Джейсон настоял на том, чтобы сегодня я впервые самостоятельно сделала разрез. В курсе подготовки техников патологоанатомических отделений разрез – это первый этап обучения методике извлечения внутренностей (не может же медицинский специалист употреблять слово «потрошение»).

К этому времени я уже овладела некоторыми навыками – я наблюдала вскрытия, делала бумажную работу, регистрировала поступившие трупы и выполняла мелкие поручения – снимала с палец кольца и удаляла зубные протезы. Но сегодня мне предстояло впервые сделать нечто по-настоящему очень важное. Я должна была сделать разрез и вскрыть полости тела умершего. Я очень хотела наконец приступить к работе и сильно волновалась, но одновременно испытывала и сильный страх. Я очень давно мечтала об этом моменте, но когда он наступил, я потеряла всякую уверенность в себе. Что если я все испорчу? Что если я не гожусь для этой работы и всю жизнь лгала себе? Я была не способна ровно разрезать даже лист бумаги, не проведя предварительно линию по линейке. Как же я собираюсь прямо рассечь кожу? К тому же я никогда не училась и не умела шить, так как же я собираюсь сшивать кожу трупа после вскрытия? Учитывая, что я никогда не любила делать игрушки из бумаги и кроить и шить, мне действительно стоило подумать, стоит ли начинать карьеру техника морга.

Для того чтобы успокоиться, я решила сосредоточиться на вещах, уже хорошо мне знакомых. Я вспомнила, что всего несколько недель назад точно так же не имела ни малейшего понятия о вещах, которые теперь могла уверенно делать, ежедневно являясь на работу в семь тридцать утра. Я умела быстро обучаться любому делу, и поэтому приказала себе перестать психовать. Любое дело когда-нибудь приходится делать первый раз.

Я решительно встала, и Джейсон последовал за мной, чтобы понаблюдать, как я буду работать. Я прошла в маленькое, ярко освещенное помещение прозекторской и, тяжело вздохнув, натянула на руки латексные перчатки. В холодильнике я нашла мешок с телом истощенного дантиста по надписи на дверце отсека. Я выкатила носилки, удивившись их невесомости. Сначала мне даже показалось, что я ошиблась и выкатила пустые носилки. Однако приглядевшись, я рассмотрела под белым пластиком выпуклость головы, а с противоположной стороны – острый выступ коленного сустава. Я сделала еще один глубокий вдох и развернула каталку с носилками на 180 градусов, после чего перекатила носилки на никелированный стальной стол, торчащий из стены прозекторской. Вскрытие производят на носилках, которые крепятся к стальному выступу специальными рычагами.

Обычно этот сложный маневр проходит без сучка и задоринки; носилки на роликах соскальзывают на направляющие стола и с легким щелчком становятся на место.

Но в этот раз все с самого начала пошло криво.

Страх и тревога, усиливавшиеся от того, что Джейсон внимательно следил за всеми моими действиями, привели к тому, что я промахнулась мимо направляющих и с громким металлическим скрежетом ткнула носилки в стальной рычаг стола. Этот удар не причинил никакого вреда ни мертвецу, ни оборудованию, но сильно поранил мое «эго». Похоже, потом ему тоже потребуется вскрытие, и причиной смерти станет его уязвление.

– Не переживай, лапка, такое случается у каждого из нас, – приободрил меня Джейсон. – Прозекторская у нас, на самом деле, очень тесная.

Я была поражена его бездонным терпением, потому что мне казалось, что своей неуклюжестью я превосхожу героев «Трех балбесов» вместе взятых.

Тем не менее, мне все же удалось загнать носилки в механизм стола и установить их в нормальное положение. Я растегнула молнию мешка. Джейсон не вмешивался в процесс, предоставив мне все делать самой. Обычно труп освобождали от мешка двое техников. Делалось это с помощью великолепно отработанного приема. Труп поворачивали набок, используя ноги и руки в качестве рычагов, затем под тот же бок подтыкали мешок и переворачивали труп на противоположный бок, и извлекали из-под него мешок. Однако труп этого человека был настолько легким, что я без труда самостоятельно справилась с задачей. Это оказалось так же легко, как вытащить испачканный подгузник из-под попки грудного младенца. Извлекая из-под покойника мешок, я делала глубокие вдохи, чтобы унять расхажившие нервы.

Покончив с этим делом, я внимательно рассмотрела труп.

Ничего подобного я не видела никогда в жизни: тело напоминало узловатый белый сук с несколькими причудливыми ветками, покрытый волосистой корой. Сквозь тощую плоть отчетливо проступали тазовые кости, а когда я повернула тело набок, чтобы осмотреть спину, то смогла во всех анатомических подробностях рассмотреть каждую бороздку на крестце и копчике. За те две недели, что покойный провел в постели, кости в некоторых местах прорвали тонкую, как папиросная бумага, кожу, и там образовались отвратительные темно-красные пролежни, с зеленоватыми, сочащимися гноем, инфицированными участками. Я внезапно почти физически почувствовала боль, которую испытывал этот человек. От этого неожиданного ощущения у меня перехватило дыхание, и закружилась голова.

У покойного были длинные, очень темные, почти черные, волосы, местами плотно прилежавшие к голове и верхней части спины, а местами торчавшие в разные стороны. Ногти были длинные, с желтоватым оттенком, и вместе с состоянием волос и общим болезненным истощением говорили о чем-то более серьезном, нежели обычная анорексия. Вид трупа сразу напомнил мне о Говарде Хьюзе и других известных затворниках, страдавших тяжелыми душевными расстройствами. Наверное, та же судьба постигла и этого дантиста. Однако я не могла долго стоять и созерцать труп, размышляя о посторонних материях. Джейсон напомнил мне, что надо делать дело, вручив мне планшет с листком бумаги. На этом листке мне предстояло описать внешний вид трупа: запавшие скулы, тусклые волосы, пролежни и многое другое. Я постаралась записать все, что я видела, описать каждую родинку, каждое пятно (что это, родинка или грязь?), каждую морщинку. Мое рвение объяснялось двумя причинами. С одной стороны, это был мой первый самостоятельный наружный осмотр, и мне не хотелось что-то пропустить и показать патологоанатому мою некомпетентность. С другой стороны, долгий осмотр позволял мне оттянуть неизбежный момент ужасавшего меня первого разреза.

Джейсон видел меня насквозь. После того, как я в третий раз принялась осматривать тело, он решительно произнес:

– Лапка, ты вовсе не должна отмечать все морщинки на его мошонке.

С этими словами он протянул мне нож ПМ-40 – главное орудие техника морга.

Тянуть дальше было нельзя.

Я склонилась над телом умершего и присмотрелась к месту соединения шеи и ключиц, к тому месту, где надо начать разрез. Но единственное, что я могла при этом видеть, был нестерпимо яркий свет лампы, отражавшийся от сверкающего лезвия. Блик сильно дрожал в такт моей трясущейся руке.

Свет лампы вызвал у меня поток воспоминаний, и я снова отвлеклась (Вы понимаете, о чем я? Бедный терпеливый Джейсон!). В детстве мы с моей лучшей подругой Джейн часто развлекались тем, что накладывали друг другу на лицо макияж (в эти игры играют многие девочки). Я вспомнила, как лежала на спине, крепко зажмурив глаза от яркого света, ощущая теплые прикосновения кисточек к ресницам и коже, и думала: «Наверное, то же самое чув-

ствуют и покойники в морге». Уверена, что большинство девочек об этом не задумывались. Я же всегда вспоминала сцены из виденных мною фильмов, в которых на лица покойников в моргах наносили макияж, чтобы сделать их «красивыми» к похоронам. В свое оправдание могу сказать, что я незадолго до того посмотрела чудесный пронзительный фильм Ховада Зиффа «Моя девочка», снятый в 1991 году. Дэн Эйкройд, играющий директора похоронного бюро, просит прекрасную Джейми Ли Кертис наносить макияж на лицо умершей. После трудов Джейми покойная стала выглядеть красивой и даже, в какой-то степени, веселой и гламурной, и это вызвало у меня положительные эмоции, чего нельзя сказать о финале фильма. Меня до сих пор охватывает печаль, когда я вижу кольцо настроения или иву. Вспоминая, как я вообразила себя трупом, на лицо которого наносят макияж, я вдруг представила себе, что может чувствовать сейчас этот несчастный дантист. Я еще не прикоснулась к нему, но он вполне мог ощущать мое учащенное дыхание и чувствовать мои колебания. Я была уверена, что ему едва ли доставила удовольствие склонившаяся над ним неуверенная в себе блондинка, размахивающая у него перед носом большим острым клинком, как повар, готовящий суши. Я резко одернула себя: «Карла, начинай!»

Я много раз видела, как другие лаборанты делают разрез, и выполнила его почти безупречно. Начав с правой стороны, за ухом, я провела нож вниз по боковой поверхности шеи, а затем немного изменила направление и довела разрез до V-образной вырезки грудины. Кожа под лезвием раздавалась в стороны, как масло под горячим ножом. Потом я повторила то же с левой стороны, правда не так ловко. Соединив оба разреза в вырезке грудины, я из точки соединения направила нож вниз, по срединной линии, вскрыв кожу на груди и на животе, аккуратно обойдя справа пупок. У меня получился очень неплохой Y-образный разрез. Он получился не идеально ровным, но я не думаю, что нашелся бы человек, который смог бы абсолютно безупречно, как по линейке, провести свой первый в жизни разрез, тем более ножом, которым можно легко отхватить себе палец. Эти погрешности будут незаметны, когда разрез будет зашит после окончания вскрытия.

Я была страшно горда собой. Я выпрямилась и облегченно вздохнула, искренне восхищаясь своей работой. Джейсон немного выждал и сказал свое веское слово.

– Теперь подай мне ножницы Эдварда, и мы продолжим.

На этой стадии моя работа была окончена. Я отложила нож и принялась смотреть, как Джейсон делает остальную работу. Техники морга учатся мастерству постепенно, как обучаются вождению автомобиля. На первом занятии вы не включаете двигатель и не приступаете к параллельной парковке или развороту в узком месте. То же самое касается и аутопсии. Все происходит поэтапно.

После рассечения ребер и удаления грудины наступает очередь извлечения из тела внутренних органов для их отдельного исследования. Есть несколько методов такого извлечения. Первый метод – это так называемый метод Рокитанского, хотя, на самом деле, изобрел этот способ Морис Летюль. При таком способе органы извлекаются из тела единым комплексом. Этим методом мне предстояло пользоваться всю мою профессиональную жизнь, и я очень внимательно наблюдала за действиями Джейсона.

Сначала он ощупал органы свободной рукой, проведя по задней поверхности обоих легких, чтобы убедиться, что там отсутствуют плевральные сращения, намертво прикрепляющие ткань легких к грудной стенке. Такие сращения могут возникать в результате травм или болезней, например, туберкулеза или плеврита. Самый лучший вариант – это когда легкие представляют собой пористые розовые, гладкие и влажные мешки, не приросшие к грудной стенке, а после ревизии (проведения рукой по их задней поверхности) с тихим влажным шлепком ложатся на место. Проверив состояние легких, Джейсон перешел к кишкам, которые он удалил по всей их длине, предварительно проверив их состояние. Удаленные из брюшной полости

кишки он отложил для дальнейшего исследования, которое доктор проведет позже, так как в кишках крайне редко гнездятся болезни, являющиеся причиной смерти. Поэтому кишечник, как правило, исследуют в последнюю очередь. После удаления кишок освободилось место в тесной полости тела. После этого Джейсон снова занялся легкими. Пользуясь ножом, он отделил их двумя движениями, отделив от тела двумя длинными разрезами вдоль позвоночного столба с обеих сторон для того, чтобы освободить оба легких. Точно таким же способом он выделил и освободил обе почки с жировыми капсулами из-под желудка и печени через разрезы в диафрагме, перегородке, отделяющей органы грудной клетки от органов брюшной полости. После этого, тем же ножом он ловкими разрезами пересек нижнюю часть трахеи и пищевода, отделив их от гортани и глотки. Потом он одной рукой приподнял над телом легкие и сердце и принялся извлекать их, помогая себе при необходимости ножом, когда извлечение встречало препятствия. Тем же методом он извлек и органы живота, единым массивом с легкими и сердцем. Очень скоро он приподнял весь комплекс органов, с которого стекали капли крови, над телом – сердце, легкие, желудок, селезенку, поджелудочную железу, почки и печень. Всю эту массу он опустил в огромный никелированный таз, который со звонким скрежетом поставил на металлическую полку – ждать доктора-патологоанатома.

Джейсон, между тем, перешел к мочевому пузырю, который пока оставался на месте, в глубине малого таза. Покойный перед смертью почти ничего не ел и не пил, и, поэтому пузырь был мал и пуст, напоминая внешним видом сдувшийся желтый воздушный шарик. Джейсон извлек его из тела и протянул мне, чтобы я положила его на прозекторский стол. Я не знала, как следует по «правилам этикета» брать мочевой пузырь, и опасливо взяла его, зажав между большим и указательным пальцами правой руки – так мамы брезгливо берут в руку грязные носки сыновей-подростков.

Теперь Джейсон перешел к вскрытию головы. В этот момент приехал на своем темно-бордовом «вольво» доктор Колин Джеймсон. Сквозь замерзшее окно прозекторской мы видели, как он поставил машину на крошечной парковке во дворе морга. Через морозные разводы машина патологоанатома выглядела, как мазок запекшейся крови. Мы всегда думали о причинах такого выбора – «вольво» считаются самыми безопасными в мире машинами, и, на самом деле, являются таковыми. Был ли случайным такой выбор? Вероятно, вскрытие множества жертв автомобильных аварий вызвало у доктора Джеймсона своеобразную паранойю, и он решил подстраховаться. Оставив Джейсона заниматься головой, я сняла перчатки и маску, и пошла открывать дверь. Морг занимал крошечное помещение, и мне не потребовалось много времени. Не прошло и минуты, как я вышла в холл, как раз в тот момент, когда раздался звонок. Я встретила доктора Джеймсона на случай, если ему захочется выпить чашку кофе перед тем, как приступить к работе.

В морге незадолго до этого сделали ремонт, и, поэтому при небольших размерах он стал достаточно современным учреждением. В секционном зале было два прозекторских стола. Позднее я познакомилась с учреждениями, в которых таких столов было три, четыре, и даже шесть, не считая столов для вскрытия младенцев. Холодильники были двусторонними, то есть были установлены как разделительные стены в середине помещения. Умершие лежали головами к девственно белым дверям холодильников, к «грязной» или «красной» стороне, откуда я утром извлекала тело, с которым мы теперь работали. Другая сторона холодильника называлась «переходной» или «оранжевой». С этой стороны покойников загружали в холодильник. Первое, что видит человек, открывая дверь холодильника с этой стороны – это ноги покойников, на которых, вопреки расхожему мнению, нет никаких бирок. Мы не метим покойников, как багаж в аэропорту. Помимо этого, в этом помещении бывает только персонал – родственники и друзья сюда не допускаются. Кроме того, есть небольшой кабинет персонала, кабинет врача, маленький зал ожидания и комната для опознавания, отделенная от зала ожидания занавес-

кой, которую задерживают, когда к умершему подходят самые близкие родственники, чтобы опознать тело.

В Великобритании большая часть моргов выглядит сходным образом, особенно если они были построены в одно время. Такие местные морги, как наш, были построены в пятидесятые и шестидесятые годы. Снаружи они выглядели очень скромно и непритязательно – угловатые небольшие здания из красного кирпича. Но это были отнюдь не первые морги. Согласно статье Пэм Фишер, озаглавленной «Дома мертвых: строительство моргов в Лондоне в 1843–1889 годах» (захватывающее, на мой взгляд, чтение), потребность в местах хранения трупов недавно умерших возникла к середине девятнадцатого века. В то время население Лондона начало стремительно расти, и многие семьи ютились в одной комнате, поэтому когда член семьи умирал, его разлагающееся тело оставалось в жилом помещении до самого погребения. Тело было больше негде держать. Иногда время пребывания покойника в доме затягивалось на недели, особенно если бедная семья не могла сразу наскрести деньги на похороны. Все были, не без оснований, убеждены, что такие мертвецы заражают живых. Согласно газетам того времени, образованные люди считали, что в Лондоне мертвые убивают живых, и, в конце концов, были созданы учреждения – «дома немедленного приема мертвых для уважительного и добросовестного хранения». Учреждения эти были названы мертвецкими или домами мертвых (скудельными домами).

Когда я открыла дверь нашего «скудельного дома», я с удивлением обнаружила, что на крыльце стоял вовсе не доктор Джеймсон, который еще не вышел из своего «вольво», а молодой полицейский офицер, который, как мне показалось, был удивлен не меньше, чем я. Полицейский был слегка бледен. Глаза его расширились от удивления, когда он посмотрел на меня.

– Слушаю вас, – сказала я, слегка растягивая слова и вскинув брови. Для меня в удивлении этого молодого человека не было ничего неожиданного. Мне уже говорили, что люди, впервые пришедшие в морг, ожидают увидеть равнодушную физиономию грубого санитара, и теряются, увидев вместо этого стереотипного образа хорошенькую хрупкую блондинку. Вероятно, мой вид и сбил с толка молодого полицейского. Правда, я не могла понять, почему он такой бледный. Мне вдруг пришло в голову, что, может быть, у меня к лицу прилип кусочек жира или пятно крови. Я непроизвольно начала тереть щеку.

Офицер, наконец, обрел дар речи.

– Это морг?

Я тяжело вздохнула.

– Нет, это прозекторская, – поправила я его, не сумев скрыть раздражение.

Дело в том, что он наступил на нашу любимую мозоль. Исторически сложилось так, что наши учреждения в Англии назывались «мортуариями» – домами мертвых. Этот термин употребляется начиная с 1865 года. «Морг», с другой стороны, происходит от французского слова *morgue*, означающего «торжественно созерцать». Название возникло в конце девятнадцатого века в Париже, когда умерших выставляли для всеобщего обозрения в парижском морге, расположенном в соборе Парижской Богоматери, и местные зеваки, как я полагаю, «торжественно созерцали» мертвецов. Правда, на самом деле, цель была иная. В морге выставляли тела, выловленные в Сене или найденные на улице, и эти трупы могли опознать пришедшие к собору родственники и знакомые. Однако этот «аттракцион» привлекал множество и праздных зевак, и, в конце концов, в 1907 году он был закрыт. Это зрелище привлекало в день до сорока тысяч посетителей. Для сравнения надо сказать, что «Лондонское око» (подобное предприятие в Англии) привлекало в день «всего» пятнадцать тысяч человек. Конечно, в наше время термины «мортуарий» и «морг» являются синонимами, но в Великобритании последний термин не употребляется, хотя он является основным в США.

После этого молодой полицейский рассказал мне, что он сопровождает похоронных агентов, которые привезли из дома умершего. Я, наконец, нашла объяснение бледности молодого человека. Видимо, сцена обнаружения трупа была довольно тягостной.

– Сейчас припаркуется «вольво», и мы подъедем, – сказал офицер, – а пока я просто сообщаю вам о нашем приезде.

Через пять минут после того, как доктор Джеймсон отогнал свою машину в сторону, все мы – врач, Джеймсон, я, полицейский и агенты похоронных бюро – стояли в приемной и смотрели на мешок нового будущего «обитателя» нашего холодильника. Это было совершенно обычное дело: соседи стали жаловаться на отвратительный запах и на мух, слетевшихся в квартиру их соседа. Полицейские взломали дверь и увидели ужасную картину. Видимо, человек был затворником, очень долго пролежал в квартире после смерти и успел основательно разложиться. Агенты бюро громко жаловались на свою судьбу, а один из них был особенно красноречив.

– Как будто было мало того, что он огромный и зеленый, – ворчал агент, – так он еще оказался неряхой и барахольщиком. Мы долго не могли к нему подобраться, потому что вся квартира по самый потолок завалена всяким хламом. Я чуть в обморок не упал. Такой сукин сын!

Услышав это, Джеймсон обернулся ко мне и расхохотался. Я надеялась, что до приезда врача он забудет о моем утреннем ляпсусе, но я жестоко ошиблась.

– Док, вы не поверите, что Карла ляпнула сегодня утром, – усмехнувшись, сказал Джеймсон доктору Джеймсону, как раз в тот момент, когда мешок с телом лопнул и на покрытый линолеумом пол вытекла струя темно-коричневой жидкости.

Я закрыла лицо руками. Этот день будет труднее, чем я думала.

Глава 1

Информация: «СМИ портят все, к чему прикасаются»

*Мы живем в обществе, где средства массовой информации
продуцируют фиктивную реальность. В своих сочинениях я спрашиваю:
«Что же на самом деле реально?»*

Филипп К. Дик

Никогда в жизни не видела я прежде так близко муляж трупа. Я видела тысячи настоящих покойников самых разных видов и размеров, со всем букетом их запахов и окрасок. В отличие от большинства населения, я была абсолютно незнакома с муляжами – искусственными мертвецами.

Искусственное мертвое тело, лежавшее передо мной, было весьма приятным, хотя и было выполнено чрезвычайно реалистично. Это был труп стройной молодой женщины с кожей цвета слоновой кости и тонкой талией, которой я невольно позавидовала – приблизительно так же, как маленькие девочки завидуют округлостям кукол Барби. Длинные спутанные каштановые волосы, окутывавшие голову на прозекторском столе, напоминали грязный нимб. Кожа на груди была вскрыта обычным Y-образным разрезом, а кожа откинута на груди в виде двух, вымазанных кровью, желто-розовых лепестков. В глубине разреза была видна жемчужная белизна грудины. Это муляж, изготовленный на той стадии вскрытия, на которой я, помнится, передала Джейсону нож для продолжения работы. В результате я узнаю в ней молодую женщину и могу идентифицировать себя с ней. Спутанные волосы немедленно напоминают мне о том, как я каждый день борюсь со своими непослушными волосами, когда сушу их феном. Я смотрю на изящные пальчики, лежащие на металлической поверхности стола. Они настолько реальны, что я радуюсь, что на них нет лака, что еще больше усилило бы иллюзию. Женщина настолько реальна, что я ожидаю уловить запах крови, духов и пота. Естественно, никаких запахов я не ощущаю.

– Ну и что вы думаете? – спрашивает меня Джон, ассистент режиссера.

– Она прекрасна, – с искренним восхищением отвечаю я. – Если бы все наши покойники были такими!

Я нахожусь в маленькой, промерзшей насквозь киностудии в Восточном Лондоне. Меня пригласили сюда, потому что в картине, которую сейчас снимают на студии, есть сцена вскрытия, и режиссер хочет, чтобы все – каждый инструмент, каждое движение, каждая фраза – было таким, как при реальном вскрытии.

Я должна помочь им в этом: при том, что это бутафорская прозекторская – я видела немного таких – они все сделали на удивление хорошо. Есть, правда, и странная погрешность. Вместо медицинских ножниц, которыми рассекают ребра, чтобы вскрыть грудную клетку, я вижу резак для болтов, купленный в магазине слесарных инструментов. Этот резак очень похож на прозекторские ножницы, и мне подумалось, что такая замена вполне допустима. Вместо трупного шовного материала, похожего на толстую бечевку, которой перевязывают бандероли на почте, я вижу тонкую зеленую шерстяную нитку, которая легко разрежет нежную кожу трупа. Такая нитка не годится для зашивания разрезов. На магнитной полке для инструментов я увидела также нож для торта. Думаю, что этому не могло быть никаких оправданий...

Возможно, что такие ляпсусы могут заметить только специалисты – врачи-патологоанатомы или лаборанты морга, но уж они заметят, так заметят. «Какого черта здесь делает эта лопатка для торта?» – слышу я недовольное ворчание специалистов. Нет, конечно, есть множество патологоанатомических названий с явно гастрономическим уклоном, например, «болезнь кленового сиропа», «мускатная печень» и «сахарная селезенка». Это наблюдение однажды

завело меня в модный кондитерский магазин под названием «Съешь свое сердце». Не думаю, однако, что там могли продавать что-нибудь вроде «бисквитной поджелудочной железы», хотя, на мой взгляд, это название звучит неплохо. Надо при этом учесть, что кожа трупа иногда отслаивается от тела, как корочка круассана, а изо рта течет коричневатая густая жидкость, которую мы называем «кофейной гущей». Не говорят ли такие названия, как «пенистые выделения» и уже упомянутая выше «мускатная печень», о том, что покойник являет собой некое подобие меню «Старбакса»?

Я изо всех сил стараюсь объяснить Джону, что эти ошибки могут быть замечены определенной частью зрителей, но он отвечает, что уже поздно что-либо менять, потому что эту сцену уже начали снимать. Я открываю для себя, что на жаргоне шоу-бизнеса это означает, что «кадры уже смонтированы». Но все же кое в чем я могу дать полезные советы. Например, я рассказываю, что разрезание ребер ножницами требует большого усилия, и при выполнении этой манипуляции на ножницы надо налегать едва ли не всем своим весом, или говорю Джону, какие емкости надо применять для сбора образцов тканей перед их отправкой в лабораторию.

Но вернемся к моему первому разрезу. Я как раз помогаю Джейсону собирать образцы с тела дантиста-аноректика.

– Карла, будь добра, промокни шариком декубитальные язвы, – говорит доктор Джеймсон.

Я озадаченно смотрю на патологоанатома.

– С пролежней, – поясняет врач.

Я чувствую себя полной идиоткой.

Джейсон аккуратно поворачивает умершего на бок, а я беру марлевый тампон – лучший материал для сбора отделяемого пролежней – со стальной полки и наклеиваю этикетки, пряча румянец за дверцей полки. Тампоны помещаются в длинных пробирках с закругленным доннышком и синей крышкой. Закругленное дно заполнено питательным желе, в котором хорошо размножаются бактерии, которых потом исследуют в бактериологической лаборатории. Я снимаю крышку, к которой приделана палочка с тампоном на конце. Тампон уже влажный, он смазан питательным желе. Тампон формой напоминает почку, насаженную на конец палочки. Я аккуратно провожу тампоном по поверхности пролежня в тех местах, где вижу зеленовато-желтые островки гноя, а затем осторожно погружаю палочку в пробирку и закрываю крышку.

Доктор Джеймсон что-то записывает в своем блокноте и попутно объясняет:

– Сначала я думал, что причиной смерти стала сердечная недостаточность, но теперь мне кажется, что причиной является септицемия.

Септицемию часто называют заражением крови или сепсисом, и вызывается она проникшими в кровь микроорганизмами. Похоже, что у этого человека пролежни инфицировались, а так как его никто не лечил, то микробы размножились и вызвали заражение крови. Джейсон уже взял несколько проб крови на анализ, и теперь они тоже отправятся в микробиологическую лабораторию, где специалисты помогут уточнить посмертный диагноз. Мы превосходно справились со своей работой.

Перенесемся на несколько лет вперед. Я стою в киностудии и говорю Джону, что некоторые емкости, стоящие в их бутафорском морге, не соответствуют реальным, но, вероятно, сойдет и так. Но я твердо стою на своем в другом: у этого муляжа, который они сделали неправдоподобно похожим на актрису Оливию, играющую умершую женщину, что-то явно не в порядке со лбом. Я спрашиваю об этом Джона, склонившись над муляжом, и узнаю, что съемочная группа была свято уверена в том, что на аутопсии мозг извлекают из черепа, снеся полголовы одним разрезом через кожу, мышцы и кости. При этом разрез, как они думали, проводят через

середину лба. Если хотите, вспомните сцену из фильма «Ганнибал», где Энтони Хопкинс ест мозг живого, хотя и наркотизированного, Рэя Лиотты. Выглядит это так, словно Хопкинс ест розовый кактус из цветочного горшка. Именно так съемочная группа представляла себе извлечение мозга из черепа на патологоанатомическом вскрытии.

Я не верю своим глазам и говорю Джону, что их представления о вскрытии разительно отличаются от того, чем мы, на самом деле, занимаемся в морге. Они воображают себе неких кичевых монстров Франкенштейна с горизонтально рассеченными лбами и нарочито грубыми швами. Неужели обыватели действительно думают, будто по ходу вскрытия мы разрушаем все ткани головы, начиная со лба, чтобы извлечь мозг, а потом ставим крышку черепа на место, под настрояние бросив туда пару болтов и зашив рану суровыми черными нитками?

Я начинаю переживать за репутацию прозекторов и анатомов, которых публика считает такими же ненормальными, как сумасшедший ученый по имени Игорь, питающий страсть к глумлению над трупами, их расчленению и хранению их фрагментов в лава-лампах, поставленных в ряд на полке. Такие фильмы, как «Реаниматор» и «Молодой Франкенштейн», дают совершенно издевательское представление о том, что вскрытия и сохранение органов выполняют лишь в пустых и эгоистических целях – для того, чтобы постичь секрет бессмертия или создать идеальную женщину, и ни для чего иного.

Имеет ли это какое-нибудь значение? Ну что ж, будем надеяться, что когда непосвященные читают детективные романы или смотрят документальные фильмы о работе судебно-медицинских лабораторий, они способны отличить реальность от медийных фантазий и понимают, что писатели и режиссеры подчас следуют идиотским клише только для того, чтобы придать драматизма или сексуальности вполне заурядным сценам. Типичный пример – это показ привлекательных женщин-экспертов, которые исследуют место преступления, щеголяя модными прическами, которые красиво колышутся от дуновения установленных в съемочном павильоне вентиляторов, и это при том, что я умолчу о блузках с низким вырезом и высоких сексапильных каблуках. На самом деле все знают, что в реальной жизни судебно-медицинские эксперты и следователи, осматривающие место преступления, одеты в белые синтетические костюмы и носят маски, чтобы их ДНК не попала на лежащие перед ними улики, не так ли? К несчастью, это знают не все, и подобные, с виду кажущиеся безобидными, произведения киноискусства создают прозекторам мрачную или, в лучшем случае, неприятную репутацию.

Около десяти лет назад, когда я проходила стажировку в муниципальном морге, одна съемочная группа привлекла нашу команду к съемкам телевизионного сериала под названием «Детективы смерти». Главным героем этого фильма должен был стать чудесный патологоанатом, доктор Дик Шеперд. Мы были очень рады и польщены этой возможностью серьезно показать, как и зачем работают патологоанатомы. Для съемок фильма, правда, надо было получить согласие родственников умерших и местного coronera. Как это ни удивительно, это согласие было получено, и съемки начались. Единственное условие, которое поставил директор морга Эндрю, заключалось в том, что нам дадут возможность посмотреть окончательный вариант фильма перед его публичным показом. Как оказалось, эта предосторожность оказалась излишней. В окончательном варианте сцену, когда мы извлекали для исследования мозг из полости черепа, дополнили видом кафельной плитки, забрызганной кровью. Мы были в шоке. Очевидно, мои ежедневные усилия с помощью моющих средств сохранить в прозекторской стерильную чистоту, не произвели должного впечатления на съемочную группу, и они решили, что зрители потребуют крови. Мы исправили эту досадную оплошность, а в остальном фильм получился просто великолепным.

Я была удивлена числом семей, которые дали разрешение на съемку. Мы думали, что нам придется выдержать серьезную битву, но, как выяснилось, многим родственникам, на самом деле, было интересно узнать, что именно происходит за закрытыми дверями морга. Кроме того, многие думали, что если патологоанатомические данные, полученные на вскрытии их близких,

напомнят каким-то зрителям испытываемые ими симптомы, то эти люди скорее обратятся к врачу. Таким образом, не исключено, что показ вскрытий по телевизору помог спасти хотя бы несколько жизней.

Приглашение на телевидение всегда волнует, но для меня, стажера, выполняющего работу, к которой я стремилась всегда, возможность показать себя на ней друзьям и родственникам стала подлинным событием. Я помню, что пригласила к себе всех друзей и родственников, усадила за попкорн, и мы стали ждать начала первой серии. Мы все сгрудились вокруг телевизора. Гости в основном сидели на полу, я же поместилась на диване, стиснутая с обеих сторон двумя моими подругами. Все молча жевали попкорн ожидая, когда закончатся титры. После короткого вступления все увидели меня – маленькую хрупкую блондинку, вскрывающую огромными серебристыми ножницами грудную клетку умершего.

Ко мне повернулись девять удивленных лиц. Руки с попкорном застыли на полпути к открытым ртам.

– В чем дело? – воскликнула я, переводя взгляд с одного лица на другое.

Кажется, мои друзья так и не поняли, в чем суть моей работы. Думаю, что большинство из них никогда и не задумывались об этом, да и не желали задумываться. Так было до тех пор, пока они не увидели, какая грубая физическая сила требуется от меня на работе. Один из друзей сказал: «Я думал, ты там просто перебираешь бумажки или что-нибудь в этом роде», а другой заметил: «Я-то думал, что ты наводишь на них макияж!» И так думают очень и очень многие. После просмотра документального фильма эти недоразумения были развеяны. Друзьям уже не надо было ничего додумывать и воображать.

Исправление таких ошибок очень важно для меня, потому что мы, персонал моргов, делаем все, что в наших силах, чтобы поддерживать достоинство нашей профессии, которую многие считают низкой и неприличной. В прозекторской чисто, как в операционной, и мы хотим, чтобы родственники умерших знали об этом, а не велись на телевизионную картинку, которая подтверждает их худшие страхи и опасения.

Поэтому я решила быть придирчивой в отношении этого фильма и ни в коем случае не допустить, чтобы работников морга представляли в виде чудовищных психопатов, разбивающих мертвецам черепа. Выяснилось, что для того, чтобы показать верную картину извлечения мозга из черепной коробки, съемочной группе придется заменить всю голову муляжа стоимостью несколько сотен фунтов, но я не собиралась уступать! У меня сложились доверительные отношения с девушками, отвечавшими за спецэффекты, причем одна из них была в прошлом инспектором-криминалистом, а потом занималась на киностудии макияжем актеров, занятых в госпитальных драмах. Она очень хорошо понимала опасность вульгаризации профессиональной деятельности патологоанатомов, и мы часто обсуждали с ней такие телевизионные шоу, как «Молчаливый свидетель» и «Пробуждение мертвых». Это было здорово – иметь в съемочной группе человека, который полностью тебя понимает. Та девушка придерживалась того мнения, что если продюсеры хотят создать правдоподобный, реалистичный фильм, то им следует привлекать таких специалистов, как я, задолго до начала реальной съемки, то есть до изготовления муляжей и закупки оборудования для морга. Я была полностью с ней согласна. Лучшая стратегия – это сбор полной информации до начала работы. Именно поэтому мы всегда внимательно читаем сопроводительные документы, прежде чем приступить к вскрытию.

Точно так же, как та девушка из киностудии сменила профессию эксперта-криминалиста на специальность визажиста, я тоже, в конце концов, сменила род своей деятельности. Я много лет производила вскрытия и даже стала старшим техником морга. Однако постепенно я начала осознавать, что с течением времени я все больше занимаюсь канцелярской работой и все меньше работаю с трупами. Поэтому теперь я являюсь техническим куратором патологоанатомического музея, и вместо того, чтобы вскрывать недавно умерших людей, я теперь поддерживаю в сохранности органы, извлеченные из мертвых тел на протяжении последних

двухсот пятидесяти лет. Эти необычные экспонаты я использую для обучения студентов и ознакомления широкой публики с интересными фактами из истории медицины и прозекторского дела. Ирония заключается в том, что работая в морге – а это очень ответственная и не оставляющая свободного времени работа – я не имела возможности и времени рассказать о том, что я тогда делала. Теперь, когда я меньше загружена по работе, я могу оглянуться назад, на годы учебы и становления, чтобы помочь своими советами студентам-медикам, а также поделиться воспоминаниями с людьми, которые делают карьеру на телевидении, в театре, литературе или в кинематографе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.